

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 30-го Ноября 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ

БАГДАДСКАЯ СКАЗКА.

(Съ англійского).

Глубоко задумался калифъ. Низко опустилъ онъ гордую голову, въ землю устремилъ проницательный взоръ.

Дерзкий вѣтеръ теребилъ его бѣлосѣжные кудри, разсыпалъ серебро бороды по блестящей пурпурной одеждѣ. Напрасно шумятъ хлопотливые волны, стараясь ступени террасы размыть.—Не видить, не слышать ихъ плеска калифъ.

Свита калифа поодаль стояла. Поблѣдили; на лицахъ тревога: передъ бурей затишье такое! Аллахъ только знаетъ, чѣмъ разразится гроза.

Калифъ обернулся; всѣ застыли въ нѣмомъ ожиданіи... Но не гибвомъ, не злобой, а грустью глубокой, тоской безпредѣльной очи свѣтились его.

— Подойдите поближе,— промолвилъ калифъ,— я съ вами хочу говорить. Позабудьте, что вы—мои слуги, будьте братьями мнѣ, помогите въ заботѣ моей, помогите!

— Въ чѣмъ же забота твоя, повелитель? Развѣ мало блестящихъ побѣдъ? Развѣ войско тебѣ непокорно? Развѣ не любитъ калифа народъ? Развѣ дочь твоя, Аппа, не блещетъ умомъ и красою? Развѣ мало сокровищъ въ палатахъ твоихъ?

— Я старѣю. Слабѣютъ ужъ силы. Каждый день умереть я могу. На кого-же свой народъ я покину, и кто начатое мной завершитъ. Мнѣ небо лишь Аппу одну ниспослало. Правда, мудростью многимъ мужчинамъ на зависть одарилъ ее щедрый Аллахъ,—но душу тревожить мнѣ ужасъ смертельный.

— Чего же страшиться? Народъ обожаетъ златокудрую Аппу твою: ей зла не причинить никто, будуть всѣ ей послушны...

— Не за Аппу боюсь я; надѣюсь, что вѣрно ей будутъ служить. Но... Правда, Аппа умна, Аппа много училась, Аппа видѣла съ дѣтства всѣ тайны правленія, Аппа ловка и искусна во всемъ,—только одно недоступно ей—слезы! Во всю жизнь ни одна не согрѣла ей сердце, ни одна не мелькнула въ сверкающихъ гордѣхъ очахъ. Незнакомо ей горе людское, не можетъ она его бездны понять—и оно не найдетъ у нея состраданья! Тамъ, гдѣ я, закаленный, суровый старикъ, много ужасовъ жизни видавший,—даже я не былъ въ силахъ рыданья сдержать—тамъ она, моя нѣжная Аппа, смѣялась!... И смѣхъ ея, звонкій, красивый, тамъ дико и рѣзко звучалъ, и острою болью въ душѣ отдавался... Я весь содрогнулся отъ этого смѣха; мнѣ жутко и холодно стало; онъ мнѣ кровь до сихъ поръ леденитъ.

Калифъ замолчалъ. Тоскливо устремился вдаль его старческій взоръ, снова впалъ онъ въ свои невеселыя думы. Въ глубокомъ смущеніи молчала и свита.

.. Вдругъ изъ ряда вельможъ отдерглился старикъ Балтазаръ, служитель пророка, ученый дервишъ, калифа любимый наставникъ и другъ.

Матевосъ Измирліанъ,

Константинопольский патріархъ, первый кандидатъ на постъ верховнаго патріарха-католикоса всѣхъ армянъ. Въ пользу его избранія на эчмадзинскомъ депутатскомъ собраниѣ было подано 73 голоса изъ 78.

— Если калифъ всемогущій позволитъ, если милостивъ будетъ къ намъ, грѣшнымъ, пророкъ—я попробую юную душу принцессы сдѣлать чуткой къ страданьямъ людскимъ. Взлелѣяна жизнью счастливой, видавшая славу и роскошь одну, окруженная нѣгою, лаской, любовью—плакать не можетъ она.. Пусть сбросить одежды свои дорогія, пусть покинеть калифскій дворецъ и подъ видомъ бродячей пѣвицы пусть со мною страну обойдетъ. Самое горькое, злое, печальное—все постараюсь я ей показать: бѣдность ужасную, жизнь безпросвѣтную, муки жестокія, смерть безпощадную, счастье разбитое, козни коварныхъ. И сердце стальное забывается участемъ, алмазныя слезы въ очахъ задрожатъ.

Внимательно слушалъ дервиша калифъ и такъ отвѣчалъ просвѣтленный:

— Твой совѣтъ принимаю я, мудрый мой другъ—и милость Аллаха да будетъ надъ нами!

I.

Мечется, стонетъ прекрасная дѣвшка, низко разсыпалась косы тяжелыя, черныя очи слезами наполнены, въ голосѣ слышится жалоба горькая:

— Было ясно небо, были звѣзды ярки, но глаза Маммеда были ярче звѣздъ... Онъ шепталъ слова мнѣ страстныя, онъ клялся въ любви и вѣрности, поцѣлуями горячими охмѣлялъ меня, безумную... Я узнала счастье, ясное, какъ небо, яркое, какъ звѣзды...

Для Маммеда я забыла и отца, и долгъ, и честь, а Маммедъ для Міиримы, блѣдной дочери сосѣда, позабылъ свою Раҳмѣ!.. Проклинаю небо,

звѣзды, и себя, и Міириму—но Маммеда я люблю...

Плачетъ и стонетъ прекрасная дѣвшка, руки ломаетъ свои...

На принцессу украдкой взглянула Балтазаръ: дѣвичье горе—надъ нимъ посмѣется старикъ, но дѣушки сердцу должно быть доступно оно!

Но старецъ премудрый ошибся: презрительно вздернулись губки принцессы, улыбка играла въ очахъ.

— Глупая дѣвшка! Мало ли въ наше время Багдадъ красавцевъ, достойныхъ ея! Такихъ, что могли бы любить всей душою, не искали бы утѣхи въ другихъ. Чѣмъ звѣзды, и небо, и ночь проклинаешь—прокляла бы измѣнника лучше, да была-бы напередъ осторожнѣй!

Балтазаръ усмѣхнулся: пожалуй, и такъ!

Ты мудра не по лѣтамъ... Теперь отправляемся дальше.

II.

Въ грязномъ подвалѣ, въ углу, на соломѣ сырой, корчиласъ въ мукахъ предсмертныхъ старуха. Лучъ сознанья померкъ уже въ темныхъ глазахъ—только ужасъ лишь виденъ въ нихъ—дикій, смертельный.—„Ты видишь старуху Зеидъ?“ прошепталъ Балтазаръ, „одинокую, страшную, еле живую? Ты не думай, что жизнь ея вся протекла въ этомъ темномъ, ужасномъ подвалѣ—о нѣтъ! Узнать-ли въ ней теперь красавицу Зеидъ, что весь Багдадъ плѣняла? Къ ея ногамъ летѣло все: и души, и сердца, и золото, и трупы... И даже самъ калифъ покойный,—принцесса, твой державный дѣдъ,—да, впрочемъ, это все равно. Иначе не пила Зеидъ, какъ изъ бокала золотого, не знала ложа безъ цвѣтовъ, ей слухъ ласкали пѣсни рая, блестящихъ юношей толпа, дыханье затаивъ, ждала лишь милости одной—предстать предъ очи неземныхъ красавицъ Зеидъ. Не только слово—взглядъ, улыбку, вздохъ влюбленные ловили, ея кипризная желанья стараясь угадать, чтобы въ мигъ исполнить ихъ... Теперь въ старухѣ безобразной, кончающей такъ одиноко дни, едва ли-бѣ кто призналъ волшебницу Зеидъ. Я видѣль, Аппа, блескъ и славу ея прошедшіхъ дней, и грустно, горько мнѣ теперь“.

— Она отъ жизни все взяла и счастьемъ насладилась. О чѣмъ-же тутъ жалѣть?

III.

„Если не было жаль тебѣ бѣдной старухи, которая, правда, отъ жизни взяла все, что можно—только старость Аллахъ ниспослалъ ей ужасную—то ты пожалѣешь малютку несчастнаго, что смерть лишь сейчасъ унесла. Вотъ онъ усыпанъ цвѣтами лежитъ. Видишь лицо блѣдное, нѣмое. Мать безутѣшно рыдаетъ надъ нимъ, въ безмолвномъ отчаяніи смотритъ отецъ...“

За что эту юность цвѣтушую, радостей жизни еще не вкусившую, такъ безжалостно смерть поразила?

— Балтазаръ, ты мудрецъ, говорить,—и ты долженъ понять, что Аллаха премудры велѣнья. Жизнь малютки, должно быть, была-бы горька, не-

прерывною цепью мучений быть может, такъ что живъ онъ останься имъ плакать, пришлось бы вдвойне! IV.

Стѣны сырья, высокія, тѣмнія. Узкія окна съ рѣшетками крѣпкими, плѣсень сѣдая въ углахъ.

Узники блѣдны, цѣни тяжелыя, лица угрюмые, взоры потухшіе.

— Здѣсь люди годами томятся въ неволѣ... Не видятъ ни солнца ни свѣта, ни звѣздъ, ни луны. Только лишь ночью кошмары тяжелые давятъ когдами желѣзными грудь. Однажды вспоминается время прошедшее—дѣство беспечное, юность свободная, счастье, надежды, на вѣки погибшия. Все замѣнилось стѣной каземата сурогаго. На другихъ съ этихъ стѣнъ въ тишину гробовую, ночей безконечныхъ, глядятъ искаженные лица замученныхъ жертвъ, и гулко бряканье костей въ ихъ ушахъ раздается.

И тѣхъ и другихъ однаково жаль: это души заблудшихъ, жизни разбитыя. Минь сердце сжимается ихъ участь тяжелая, слезы туманяютъ глаза мои старые».

— Здѣсь учатся мстить, проклинать, ненавидѣть... Думы мятежныя, душу желѣзную—вотъ что не воля куетъ... А слезы—не мѣсто безсильнымъ слезамъ!

V.

— Посмотри, какъ толпами стремится народъ къ этой площади, солнцемъ залитой. Ты думаешь, праздникъ веселый готовится тамъ? Этотъ шесть, что мелькаетъ вдали—ты думаешь, это качели?

Нѣтъ... Только солнце за горы зайдетъ, здѣсь казнить молодого Гафіда. Слишкомъ кипучія мысли толпятся въ его головѣ, слишкомъ мятежна душа—онъ опасенъ! Виноваты ли онъ, нѣтъ ли—то знаетъ Аллахъ, но мнѣ жаль его жизнь молодую.

— Подождемъ... Видишь, солнце садится, темнѣеть... Вотъ его мать—та старушка, что такъ безутешно рыдаетъ... Вотъ жена молодая съ ребенкомъ въ дрожащихъ рукахъ... Посмотрѣ, какъ безуменъ и дикъ ея взглядъ, какъ горе лицо исказило. А ребенокъ безечно смеется... Ты видишь, какъ вслѣдъ уходящему солнцу онъ тинетъ рученки свои... Не знаетъ, что съ солнцемъ наѣвики уходить отецъ. Вотъ и онъ, изможденный и блѣдный, идетъ. Посмотри, какъ...—но ты улыбаешься, Аппа!

— Улыбка моя—отраженіе улыбки Гафіда.

— Я хотѣла бы такъ умереть: съ этимъ блескомъ лучистымъ въ гла-

Новое зданіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ.

Къ событиямъ въ Персії.

Позиція Саттарз-Хана. Пущенная бомбардировка Амира-Гизи. Эта пушка—подарокъ императора Николая I шаху Аббас-Мирзы въ память заключенія Туркманчайскаго договора въ 1828 г.

захъ, съ этой ясной и гордой улыбкой.

VI.

— Видно такъ и къ калифу вернемся ни съ чѣмъ... Изстрадался, измучился самъ я отъ вида людскаго страданія. Если тамъ ты сѣялась, принцесса, гдѣ жизни—Аллаха безцѣннѣйшій даръ отнимаютъ,—я не знаю, что дальше тебѣ показать... Завтра въ обратный мы двинемся путь. А сейчасъ завернемъ къ Бенъ-Сайду. Видиши тамъ, гдѣ дорога свернула налево, этотъ домикъ уютный, весь розой завитый? Тамъ живеть Бенъ-Сайдъ, по прозванию Счастливый. Тамъ нашъ глазъ отдохнетъ отъ страданій и слезъ. Бенъ-Сайдовъ ужъ пять поколѣній розовымъ масломъ торгуютъ у насы; повсюду увидишь достатокъ, довольство, лица веселыя, звонкія пѣсни и смѣхъ...

Вотъ и дверь. Ты пойди, поиграй дочерямъ, а я отдохну съ Бенъ-Сайдомъ».

— Изъ толпы выдѣлился мужиченка, плуговыій на видъ, съ краснымъ но-

И старецъ усталыя очи склонились и сладостнѣмъ сномъ позабылся. Долго и крѣпко проспалъ онъ. Ужъ солнечный лучъ золотилъ дорогѣ ковры, когда онъ проснулся. Онъ долго глаза протирали, не смѣя поверить тому, что увидѣлъ: вся блѣдная, Аппа стояла надъ нимъ; ея очи сверкали слезами, ея голосъ дрожалъ, прерывался:

— Балтазарь, Балтазарь, просыпайся, бѣжимъ поскорѣе отсюда, бѣжимъ!

— Аппа, дитя мое, что ты? Аллахъ, надѣйся на тобою! Что наила ты достойного слезъ? Мимо столькихъ страданій и муки ты прошла равнодушно, а здѣсь, въ этомъ домѣ, гдѣ милость Аллаха витаєтъ, гдѣ хвалу ему, щедрому, всѣ воздаютъ, гдѣ довольны и счастливы люди, гдѣ жизнь такъ спокойно и мирно течетъ: нѣтъ безплодныхъ исканий мятежной души, нѣтъ стремленій къ тому, что достичь невозможно,—жизнь, какъ масло, которымъ торгають они, какъ то злато, что въ домѣ ихъ обильно течетъ... Здѣсь высшее счастье—спокойствіе духа... Такъ о чёмъ же тутъ слезы твои? Что съ тобой, моя мудрая Аппа?

— Жизнь—Аллаха безцѣннѣйшій даръ,—говоришь ты... Эта жизнь, Балтазарь,—она хуже тюрьмы, хуже казни, измѣнъ и смерти... Это—сонъ непробудный души... Эти люди... — мнѣ жаль ихъ, безумно ихъ жаль!

И вздрогнули плечи принцессы, и громко рыданія ее раздались...

А сѣдой Балтазарь головою въ раздумы поникъ:

— Что за странная мысли! Видно мы, старики, въ мудрости ужъ теперь не годимся...

НД УЛИЦЪ.

Улица... Грязная базарная улица. Казенная винная лавка и народу голна. День праздничный, играютъ въ орлянку, толкуютъ по кучкамъ, курятъ, плюютъ, хохочутъ. Слышины пьяные голоса. День сѣренѣй, влажный, но теплый. Поодаль, въ сторонѣ отъ толпы—кирпичей красный рядъ. Подъ ними малыши прыгали, свернулся калачикомъ и спитъ. Кто онъ? Откуда онъ? Сынъ улицы, такъ ихъ называютъ.

— Эй малыши! Вставай! Развѣ здѣсь спятъ? Сырость,—окликнулъ мастеровой.—Идемъ, позволь пріятель, и они скрылись въ толпѣ. Мальчикъ все лежалъ.

Толпа шевелится, волнуется: кто? У кого? Кошелекъ? Гдѣ воръ? Держи вора! Нѣтъ его.

— Изъ толпы выдѣлился мужиченка, плуговыій на видъ, съ краснымъ но-

Комитетъ „Коло сербскихъ сестеръ въ Бѣлградѣ“ во главѣ съ предсѣдательницей С. Субботичъ.

Комитетъ „Коло“ обратился къ женщинамъ всего міра съ протестомъ противъ захвата Австроії Босніи и Герцеговины. Комитетъ „Коло“ теперь предложило свои услуги „Красному кресту“.

сомъ, рѣжей бороденкой и пьяными глазами. Это пострадавший.—Рубъ былъ.... вчера получиль... хозяинъ три рубли дать, пьяно-спокойно объясняль мужиченка,—значить, рубъ былъ...

— Пріятели каменщики подтвердили, что дѣйствительно хозяинъ заплатилъ три рубля, что рубль остался, и его вытащили вмѣстѣ съ кошелекомъ.

Пошатываясь на одномъ мѣстѣ, мужиченка долго смотрѣлъ въ одну точку и вдругъ двинулся впередъ. Сначала нельзя было понять, зачѣмъ онъ идетъ: онъ шелъ прямо, спокойно, какъ будто безцѣльно или далеко. Порой оступался и бормоталъ. Дойдя до кирпичей, онъ пригнулся и схватилъ мальчика. Тотъ поднялся.

— Отдай кошелекъ,—хрипло сказали мужиченка и затрясъ, какъ трясутъ дерево. Лицо озвѣрялось, наливалось; онъ все тряслъ, требовалъ и вдругъ... ударилъ мальчика... Какъ встрепенулся тотъ и бросился на противника.

— Заварилась каша,—сказали какой-то любитель уличныхъ представлений, беззвучно засмѣялся, побѣдно глянувъ на сосѣда, вытянувъ шею, да такъ и остался. Другое стоять не двигаясь, глядя передъ собой серьезно и неопределенно. Третій пробуждалъ волноваться, выкрикивать что-то, вродѣ: разнимай ихъ! одобрительно поглядывая на сосѣдей, а сами топчались на мѣстѣ:уже было интересно. Когда ихъ розняли, мальчикъ все рвался къ мужиченку, скималъ кулаки, плакалъ, дрожалъ, задыхался, то вдругъ въ бессиліи топталъ ногами и повторялъ требовательно и настойчиво: „Ты видѣлъ... видѣлъ... Изчезъ...“

— Ты видѣлъ, видѣлъ?—повторялъ между тѣмъ мальчикъ.—Вѣдь, ты не видѣлъ!! Какъ смѣть бить, какъ смѣло...

Онъ не замѣчаетъ, что его обыскиваютъ, безразлично глядятъ на кошелекъ.—Ты видѣлъ, видѣлъ... Онъ сжи-

Новая болгарская народная картина, изображающая „царя Фердинанда“.

вѣтная ненависть, и казалось, если бы и прозвучала отвѣтъ, удовлетворительный отвѣтъ, они повторялись бы такъ же ровно, твердо и настойчиво.—Ты видѣлъ... видѣлъ...—Мальчикъ не бралъ кошелека.—Такъ думать мастеровой, такъ думали и другие. Но что это?! Кто то предложилъ обыскать. Предложение принято; пріятелямъ каменщики обыскивали и... находяли кошелекъ мужиченки...

— Ты видѣлъ, видѣлъ?—повторялъ между тѣмъ мальчикъ.—Вѣдь, ты не видѣлъ!! Какъ смѣть бить, какъ смѣло...

Онъ не замѣчаетъ, что его обыскиваютъ, безразлично глядятъ на кошелекъ.—Ты видѣлъ, видѣлъ... Онъ сжи-

мать кулаки, въ изступлении рвался къ мужчинѣ, и все его существо полно только ненависти и протesta.

Мастеровой думалъ: вѣдь, воръ, какъ будто кошелекъ нашли и... не воръ..

— Ишь, мерзавецъ, прикидывается,—сказалъ кто-то.—Вздуть бы его.

— Дите еще,—возразилъ рядомъ старикъ и, помолчавъ, добавилъ:—не пропитался еще этимъ духомъ воровскими. Приласкатъ бы его, доказать, уговорить. Вонъ вчера мой Мишика два рубли изъ шапки стащилъ... Бей вора!—крикнулъ кто-то.—Бей вора!—подхватили въ толпѣ.

Крикъ звучалъ удачимъ призывомъ, и въ немъ было столько знакомаго и ужаснаго.—Бей вора! Бей вора!—Каменщики столпились вокругъ мальчика. Толпа колыхнулась впередъ и назадъ; что то загромыхало, замелькали руки.—Не смѣйте бить,—изступленно крикнулъ старикъ, ринулся впередъ и изчезъ въ толпѣ.—Что вы дѣлаете!—раздавался его голосъ, молящий и испуганный, заглушался толпой, и снова вырывался.

— Не смѣй... бить ребенка!—раздался вдругъ звучный голосъ; прогремѣлъ, оборвался и замеръ, какъ выжидающей звѣрь. Толпа зашевелилась и отхлынула.—Вора бѣмъ. Вора учимъ. А ты кто такой? Самъ захотѣлъ? Извѣхнаго роду.—Посерединѣ толпы, заслонивъ мальчика, стояла мастеровой; лицо его было ужасно, кулаки судорожно скимались, весь онъ былъ напряженъ, какъ гуттаперча. Рядомъ съ нимъ стоялъ старикъ; по щекѣ струилась кровь, лицо было блѣдное. Онъ тяжело дышалъ, жалобно и растерянно говорилъ:—Братцы, что вы... Рази можно... Рази можн... братцы!.. Что вы...

— Разваидись. Въ чемъ дѣло... Полиція была на мѣстѣ.

Б. Д.

СНЬГЪ.

Шель снѣгъ. Это былъ первый снѣгъ. Такой мягкий, такой пушистый. Все кругомъ стало бѣлымъ, и огромные хлопья такъ густо мелькали въ воздухѣ, что въ десяти шагахъ ничего не было видно. И какъ чисто сдѣлалось вездѣ кругомъ, съ городомъ произошло чудесное превращеніе, вся грязь куда дѣлась.

Было воскресенье, и оттого главныя улицы были заполнены народомъ. Нарядная публика двигалась черною волной по тротуарамъ. У всѣхъ были раскраснѣвшіяся лица отъ первого мороза, блестающіе глаза, всѣ глядѣли бодро и весело и всѣ радовались снѣгу. Кругомъ слышалось:

— Снѣгъ, снѣгъ!
— Чудный снѣгъ—сразу дорожка выпадетъ.
— Вотъ хорошо!
— Вотъ славно!
— Ухъ, благодать какая!
— Наконецъ, дождались. Давно ужъ пора—слякоть надоѣла.

— Да здравствуетъ снѣгъ! Гимназисты младшихъ классовъ толкались у витринъ тѣхъ магазиновъ, где были выставлены коньки, и оглядывали ихъ жаждыми взорами. На одномъ изъ перекрестковъ, нѣсколько школьниковъ затѣяли уже игру въ снѣжки. Происходила настоящая бомбардировка. Визжали и смѣялись оглушительно... Сколько дѣтей, сидящихъ взаперти въ комнатахъ—тянулись къ окнамъ и кричали восхищенно:

— Снѣгъ, снѣгъ!..
— Снѣгъ, снѣгъ!—слышалось изъ конца въ конецъ...

Въ одной изъ грязныхъ и неуютныхъ каморокъ, которыхъ такъ много на окраинахъ города, где ютится бѣднота—на полу у кровати сидѣтъ блѣдная худенькая шестилѣтняя дѣвочка, а у стола за шитьемъ—ея мать—тощая, желтолицая, съ впалой грудью. Дѣвочка застегиваетъ пуговицы на своемъ порванномъ распластанномъ башмачкѣ, а потомъ подни-

Картины скончавшагося художника С. А. Коровина.

Мирская сходка
(хранится въ Третьяковской галлерѣ).

Передъ наказаниемъ
(хранится въ Румянцевскомъ музѣ).

мается и лѣзетъ на табуретку къ окну и нѣсколько времени смотрѣтъ сосредоточенно.

— Мама,—вдругъ говоритъ она.—ти-

химъ голосомъ.

— Чего тебѣ?—спрашивается та, не отрываясь отъ работы.

— Ну, Богъ наказываетъ уже насть.

Мать поднимаетъ сердито голову:

— Не говори глупостей! Что тамъ выдумала еще.

— Нѣть, я правду говорю. Посмотри, снѣгъ идетъ. Видишь? А ты сама говорила, что гадко, когда снѣгъ пойдетъ—значить, тогда холодно будетъ, и мы тогда будемъ мерзнуть. Помнишь—говорила... А теперь вотъ снѣгъ пошелъ...

Мать низко опускаетъ голову, крѣпко кусаетъ губы и смахиваетъ кулакомъ предательски навернувшись на глаза слезы.

Дѣвочка серьезно—средоточено глядѣтъ въ окно....

А снѣгъ идетъ....

В. Унковскій.

СМѢСЬ.

Таинственный рубинъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ Америкѣ была получена изъ Италии посылка на имя миссъ Элькинсъ, невѣсты итальянского герцога Абруццкаго

безъ обозначенія, что въ посылкѣ находится и безъ указанія отправителя. По вскрытии посылки въ таможнѣ въ ней оказался громадный рубинъ, вдѣланый въ золотое кольцо удивительной красоты. Драгоцѣнныя камни оплачиваются въ Америкѣ пошлиной въ 60% сообразно ихъ оцѣнкѣ. Таможня оцѣниваетъ этотъ рѣдкій камень въ 5,000 долларовъ (10,000 р.), и пошлина исчислена въ 3,000 дол. (6,000 р.). Миссъ Элькинсъ и ее семья, не имѣя указанія, отъ кого прислана посылка, не берутъ ее. По американскимъ правиламъ, не взятые изъ таможни посылки подле-

жать продажѣ съ аукціона. Рубиновое кольцо—мужское и составляло, очевидно, фамильную драгоцѣнность. Чью?..